

ЭКСТРАОРДИНАРНАЯ СИТУАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЙ РЕЖИМ, ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правовой регламентации деятельности органов публичной власти в условиях развития экстраординарной ситуации. Показано, что федеральное законодательство для характеристики такого регулирования использует специальную правовую терминологию с указанием на чрезвычайность. Экстраординарность как признак особого правового развития упоминается в ряде решений Конституционного Суда РФ. Анализ таких решений показал, что в каждом случае конституционной оценки оспариваемых правовых актов орган конституционного контроля исследовал беспрецедентность обстоятельств, в силу которых отсутствовало надлежащее правовое регулирование. Экстраординарность ситуации соотносилась с ее непредвиденностью, масштабностью, быстрым развитием. В статье показано отсутствие единства подходов к пониманию экстраординарной ситуации. В решениях Конституционного Суда РФ ее происхождение связывается с наступлением различных обстоятельств: боевые действия, начатые незаконными вооруженными формированиями, техногенная катастрофа, пандемия коронавирусной инфекции. Также экстраординарность как признак применялся как при оценке ситуаций, так и при характеристиках статуса, дискреционных полномочий органов государственной власти.

Ключевые слова: права человека, экстраординарная ситуация, Конституционный Суд России, правовой режим, чрезвычайное положение.

V. G. Romanovsky

Penza State University, Penza, the Russian Federation

EXTRAORDINARY SITUATION: CONCEPT, LEGAL REGIME, REGULATION FEATURES

Abstract. The article examines the features of the legal regulation of the activities of public authorities in the context of the development of an extraordinary situation. It is shown that federal legislation to characterize such regulation uses special legal terminology with an indication of emergency. Extraordinariness as a sign of special legal development is mentioned in a number of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The analysis of such decisions showed that in each case of the constitutional assessment of the contested legal acts, the constitutional review body investigated the unprecedentedness of the circumstances, due to which there was no proper legal regulation. The extraordinary situation was correlated with its unpredictability, scale, and rapid development. The article shows the lack of unity of approaches to understanding an extraordinary situation. In the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, its origin is associated with the onset of various circumstances: hostilities started by illegal armed groups, a man-made disaster, a pandemic of coronavirus infection. Also, extraordinariness as a feature was used both in assessing situations and in characterizing the status, discretionary powers of public authorities.

Key words: human rights, extraordinary situation, Constitutional Court of Russia, legal regime, state of emergency.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Конституционно-правовой режим, действующий в стране, нацелен на регулирование отношений вне каких-то экстремальных ситуаций. В то же время каждое государство прекрасно понимает, что исключения бывают, они могут обуславливаться какими-то внешними или внутренними факторами, зачастую не зависящими напрямую от органов государственной власти или самих граждан (как в случаях стихийных бедствий). Для этого принимаются специальные законы, призванные обеспечить выход из сложных обстоятельств с минимальными потерями (в самом широком смысле этого слова). Если очерчивать круг возможных обстоятельств, то на конституционном уровне предусматривается принятие федеральных конституционных законов о чрезвычайном положении и о военном положении. Однако правовое поле этим не ограничивается. В Российской Федерации действуют следующие специальные нормативные акты:

- Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (предусматривает понятие чрезвычайной ситуации). На уровне субъектов принимаются собственные правовые акты, как например, Закон Пензенской области от 12 июля 1999 г. № 162-ЗПО «О защите населения и территории Пензенской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (аналогичные документы приняты и в других субъектах Российской Федерации);

- Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (глава VIII предусматривает режимы зоны экологического бедствия и зоны чрезвычайной экологической ситуации), в развитие норм которого Приказом Минприроды РФ от 6 февраля 1995 г. №45 утвержден Временный порядок объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации (настолько оказался временным, что с 1995 года в него ни разу не вносились изменения или дополнения);

- Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. №74-ФЗ (ст. 67 определяет зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайных ситуаций на водных объектах).

Обращение ко всем вышеперечисленным законам показывает отсутствие в них термина «экстраординарная ситуация». Однако именно он используется при характеристике особых ситуаций, правовое регулирование которых невозможно без применения специальных правовых методов и средств. В юридической литературе используется также понятие неординарного правового режима [1].

Первый случай такого упоминания можно было наблюдать в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. №10-П, давшем оценку Указам Президента РФ, определившим правовой режим операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. Признаки экстраординарной ситуации определялись следующим образом:

- отрицание действия Конституции Российской Федерации и федеральных законов;
- разрушение системы законных органов власти;
- создание регулярных незаконных вооруженных формирований, оснащенных новейшей военной техникой;
- массовые нарушения прав и свобод граждан;
- конфликт между враждующими группировками, грозивший перерасти в гражданскую войну.

Правовые основы противодействия были сформированы целым рядом правовых актов, в центре которых находились Указы Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», от 9 декабря 1994 г. №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в

зоне осетино-ингушского конфликта»², Постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. №1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа».

В обоснование Указа №2137 представлялись ссылки на ст. 88 Конституции РФ и законы «О чрезвычайном положении» и «О безопасности». Фактическим основанием признавалось наличие вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. Отметим особо: вооруженный конфликт был без привязки международного или немеждународного характера (как это признано классификацией в рамках международного гуманитарного права). Указ предписывал начало мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка. Указ создал Группу руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики. Во главе данной группы был министр обороны России П. С. Грачев. Руководителю были предоставлены самые широкие полномочия, вплоть до отстранения тех руководителей, которые препятствуют наведению конституционного порядка. В Указе упоминались особые формы управления, но суть их не раскрывалась.

Указ №2166 констатировал «наличие незаконных вооруженных формирований». В нем предусматривались ссылки на ч. 5 ст. 13 (находится в Основах конституционного строя, предусматривает запрет создания и деятельности общественных организаций, нацеленных на разрушение основ российской государственности) и ст. 80 (определяющей общий статус Президента России как главы государства) Конституции России. Указ поручал Правительству «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных вооруженных формирований». Уже в развитие Указа было принято упомянутое Постановление Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. №1360, в котором были представлены конкретные поручения различным министерствам и ведомствам. Указ №2166 отменил действие Указа №2137, причиной стало понимание невозможности объявления чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики. Конституционный Суд РФ отчасти легализовал данную ситуацию, подчеркнув, что сложившаяся экстраординарная ситуация по своему характеру угрозы не соответствует признакам чрезвычайной (далеко выйдя за ее пределы). В отношении проверки конституционности Указа №2137 производство Конституционным Судом России было прекращено.

Представленные нормативные акты были оспорены в Конституционном Суде РФ Советом Федерации (постановление от 13 апреля 1995 г. №442-І СФ) и группой депутатов Государственной Думы РФ. Основной довод заявителей заключался в том, что наведение конституционного порядка невозможно без использования правового режима чрезвычайного или военного положения. Орган конституционного контроля отменил этот тезис, сконцентрировавшись на следующих аргументах:

1) из содержания Конституции Российской Федерации «не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено исключительно путем введения чрезвычайного или военного положения»;

² Утратил силу на основании Указа Президента РФ от 28 ноября 2014 г. № 739 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта».

2) Президент РФ и Правительство РФ обеспечивают осуществление полномочий федеральных органов власти во всех сферах деятельности, включая оборону и безопасность;

3) указание на «использование всех средств» не может расцениваться как индульгенция на беззаконие, органы власти в любом случае действуют в пределах своих полномочий;

4) в российском законодательстве на момент издания оспариваемых решений присутствует значительное число пробелов, которые устранить должны были, в первую очередь, органы законодательной власти.

В резолютивной части Постановления содержались примечательные установления. Так, Конституционный Суд России ушел от оценки конкретных действий сторон в ходе вооруженного конфликта с точки зрения соблюдения норм международного гуманитарного права, определяющих режим вооруженного конфликта немеждународного характера. Кроме того, был сделан реверанс в сторону Федерального Собрания, которому необходимо было восполнить пробел в режиме деятельности органов власти в условиях экстраординарной ситуации (с учетом норм международного гуманитарного права) [2].

К Постановлению были написаны Особые мнения судьями Конституционного Суда РФ. Так, Н. В. Витрук подчеркивал, что суть Указов Президента РФ заключается в установлении в Чеченской Республике «специального (особого) правового режима, не совпадающего по своим характеристикам ни с чрезвычайным положением, ни с военным положением», характеризующегося двумя особенностями: 1) масштабным применением военизированных подразделений; 2) существенным ограничением основных прав и свобод человека и гражданина. В ходе рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ поднимался вопрос о соотношении ценностей – безопасность и права человека. Представитель Президента РФ отстаивал позицию об их равнозначности. Только Н. В. Витрук акцентировал на этом внимание, указав: «Принцип приоритетности ценности человека, его прав и свобод пронизывает буквально все содержание Конституции Российской Федерации (в том числе содержание ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 82 Конституции Российской Федерации). Это конституционная реальность, с которой нельзя не считаться» (с аналогичным мнением о приоритете прав человека выступил в Особом мнении и Судья А. Л. Кононов). В последующем Н. В. Витрук уточнил свою позицию, признав право государство на жесткие меры «точечного» характера при противодействии терроризму [3].

В. О. Лучин высказался еще жестче: «На деле же опрокинутой оказалась вся пирамида основных конституционных ценностей. Конституционный строй утверждался через жертвы и разрушения... Конституционный строй, замешанный на крови, людском горе и бедах, как дорога, не ведущая в храм, теряет свое основное предназначение – служить Человеку».

Проблема иерархии ценностей – глобальная проблема, зависит от многих факторов, включая реально складывающуюся ситуацию в стране. Если оценивать современный мир, то опасность террористических угроз и в Западном обществе оценивается как основа смены ориентиров. Ряд авторов (а также официальных публичных лиц) открыто заявляют, что в конкуренции ценностей приоритет будет отдаваться безопасности, даже если права человека при этом серьезно пострадают. Например, интересен тезис, озвученный руководителем Контртеррористического комитета (специального органа в системе ООН, созданного в 2001 г. после событий 11 сентября), практически сразу после его создания: «Комитет не считает защиту прав человека частью своего мандата»³. Но и определение равнозначными ценности прав человека и безопасности государства создаст серьезные сложности

³ Council Hears over 40 Speakers; Committee Chairman Says Aim Is to Upgrade Government Performance against Terrorism /United Nation. – URL: <https://www.un.org/press/en/2002/SC7276.doc.htm> (дата обращения 12.01.2021)

в деятельности спецслужб. Следует согласиться с Н. С. Бондарем, что государственная целостность – «одна из гарантий их конституционных прав и свобод» [4, с. 24]. Но нельзя и абсолютизировать такой подход [5]. Абсолютизация одной ценности приводит автоматически к девальвации другой. Данная тенденция четко отмечена А. А. Кондрашевым при оценке современной практики Конституционного Суда РФ [6, с. 12].

Судья Г. А. Гаджиев в своем Особом мнении указал на необходимость соблюдения базовых принципов ограничений прав человека, закрепленных в ст. 55 Конституции РФ, где центральное место заключается в форме установления ограничений – только на основании федерального закона. Судья Б. С. Эбзеев указал на необходимость оценки правоприменительной практики, которая показала масштабность ограничений основных прав и свобод человека и гражданина. Судья В. Д. Зорькин выделил опасность конституционного признания скрытых полномочий. Обратим внимание, что в юридической литературе серьезную критику вызвала концепция «скрытых полномочий» главы государства. Н. Т. Леоненко видит в этом тенденцию расширения полномочий без внесения изменений в Основной закон [7]. А. В. Безруков, наоборот, считает такой подход дополнительной возможностью выхода из сложной ситуации, вызванной пробелами в Конституции РФ. Глава государства тем самым может напрямую применять конституционные нормы (вне наличия отраслевых законов) [8].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2011 г. №24-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Федерального закона "О ветеранах" в связи с запросом Казбековского районного суда Республики Дагестан» была осуществлена ссылка на экстраординарность ситуации при оценке решений органов государственной власти субъекта Российской Федерации, благодаря которым оперативно были созданы силы самообороны (нападение на Республику Дагестан в 1999 г.). В решении указывается: «Сложившаяся в Республике Дагестан экстраординарная ситуация требовала незамедлительного принятия мер по предотвращению эскалации конфликта и уничтожению незаконных вооруженных формирований». Здесь также оценивались полномочия, во многом подразумеваемые, которые прямо не закреплялись федеральным законодательством. Однако к этому Постановлению судьи Конституционного Суда РФ не стали писать Особые мнения.

Конституционный Суд России неоднократно использовал признак экстраординарности при характеристике тех или иных событий, ставших предметом конституционной оценки. Так, авария на Чернобыльской АЭС в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. №17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года №122-ФЗ) в связи с запросом Курчатковского городского суда Курской области и жалобами граждан А. В. Жестикова и П. У. Мягчило» была обозначена «экстраординарной по своим последствиям техногенной аварии XX в., приведшей к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям». В последующем такая характеристика ситуации была сохранена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 1 апреля 2014 г. №9-П «По делу о проверке конституционности примечания к Списку работ, относящихся к работам по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, проведенным в период с 26 апреля 1986 года по 31 декабря 1990 года в зоне отчуждения Российской Федерации, в связи с жалобой граждан Ю. И. Кузичева и С. А. Плотникова» и Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. №40-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию

радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" в связи с жалобой гражданки Т. С. Овечкиной».

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2002 г. №15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 3 и абзаца первого пункта 6 статьи 9 Закона Российской Федерации "О вынужденных переселенцах" в связи с жалобой гражданина М. А. Мкртычана» была проведена связь экстраординарной ситуации (с которой не справляются органы государственной власти субъекта Российской Федерации) и конституционной обязанностью государства по защите прав и свобод человека и гражданина. Сама же ситуация определена как «нарушающая правовую безопасность», приводящую к вынужденной миграции, влекущей за собой статус переселенца. На появление конституционных обязанностей в условиях экстраординарной ситуации обращает внимание А. В. Худяков [9]. Правовая позиция о влиянии экстраординарной ситуации на дискреционные полномочия органов государственной власти подтверждена также в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. №19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова». В этом решении указывалось, что оценка самой ситуации осуществляется органом власти непосредственно, а исключительность может влиять на применение гуманитарных принципов, позволяя применять дополнительные привилегии к гражданину (как в данном решении – возможность выезда за границу лица, осужденного приговором суда). Ссылка на Постановление от 21 ноября 2002 г. №15-П (с указанием на экстраординарную ситуацию, нарушающую правовую безопасность граждан) содержится также в Определении Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. №1085-О-О.

В Определении Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2010 г. №1317-О-П «По жалобе Закарии Мусы Ясира Мустафы, Маланга Сулеймана и ряда других иностранных граждан на нарушение их конституционных прав подпунктом 2 пункта 2 статьи 12 Федерального закона "О беженцах"» признак экстраординарности был применен к индивидуальному правовому статусу беженца (не к ситуации, а к правовому положению, на что обратил внимание Д. Г. Шустров [10]).

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. №39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушников, А. С. Пушкарева и И. С. Пушкарева» экстраординарная ситуация связывается с возможностью манипулированием общественным мнением и оказанием воздействия на органы публичной власти со стороны бывшего должностного лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Наличие таких обстоятельств признано основанием для смены территориальной подсудности, что не может нарушать конституционные принципы правосудия. Не будем вдаваться в суть решения, укажем, что к нему были подготовлены Особые мнения судьями С. М. Казанцевым и Ю. М. Даниловым. Для целей данного исследования имеет значение, что в юридической науке используется понятие «экстраординарного изменения подсудности» [11].

Еще одним значимым решением Конституционного Суда РФ, упоминавшим экстраординарную ситуацию, следует считать Постановление от 25 декабря 2020 г. №49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области». Предметом рассмотрения стали некоторые

решения Губернатора Московской области, вводившие ряд дополнительных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Следует признать, что вопрос об их соответствии Конституции РФ поднимался многими учеными. При этом всякий раз происходила ссылка на ст. 55 Конституции РФ, согласно которой любое ограничение должно основываться на нормах федерального закона. Для придания легитимности принятым решениям Конституционный Суд России обратился к понятию «экстраординарной ситуации», позволившему высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации осуществить «оперативное (опережающее) правовое регулирование». И только впоследствии (спустя незначительный период) произошло внесение изменений в федеральное законодательство. Сочетание приведенных факторов – экстраординарность ситуации и последующая регламентация федеральным законом – стало основой базового вывода об отсутствии противоречий Конституции России. Систематизируем дополнительные тезисы, сформулированные Конституционным Судом РФ, определившие исход рассмотрения:

- динамика правового регулирования на всех уровнях власти свидетельствовала об экстраординарности ситуации;
- исполнение каждым уровнем власти конституционной обязанности по защите жизни и здоровья граждан;
- цель – минимизация ущерба для конституционных ценностей;
- общее понимание необходимости принимаемых мер;
- наличие конкретно-исторической ситуации;
- последующая отмена оспариваемого нормативного акта, что подтверждает его временный экстраординарный характер.

При этом Конституционный Суд РФ подтвердил необходимость соблюдения всех ранее сформулированных принципов ограничений основных прав и свобод человека и гражданина, которые имеют свое распространение также и на подзаконные нормативные акты. В резолютивной части орган конституционного контроля подчеркнул, что принятие оспариваемого нормативного акта было «продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019), вводимые им меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств, были кратковременными, а возможность их установления получила свое временное подтверждение в федеральном законодательстве».

Таким образом, обозначим общие выводы:

1. Понятие «экстраординарная ситуация» не используется в законодательных актах, но применяется в практике Конституционного Суда РФ при обосновании конституционности некоторых правовых документов, принятых в условиях, носящих исключительный характер.

2. В каждом случае легитимность и конституционность принятых мер обосновывалась беспрецедентными обстоятельствами, в силу которых отсутствовало надлежащее правовое регулирование. Это означает, что экстраординарность ситуации соотносилась с ее непредвиденностью, масштабностью, быстрым развитием.

3. При этом единства подходов к пониманию экстраординарной ситуации Конституционный Суд России не выработал, связывая ее происхождение с наступлением различных обстоятельств: боевые действия, начатые незаконными вооруженными формированиями, техногенная катастрофа, пандемия коронавирусной инфекции. Также и экстраординарность как признак применялся как при оценке ситуаций, так и при характеристиках статуса, дискреционных полномочий органов государственной власти.

4. Конституционный Суд России представил разные подходы к оценке последствий экстраординарной ситуации. Если в одном из своих решений было сформулировано указание парламенту на обязательность урегулирования на

законодательном уровне, то в другом – лишь подтверждение допустимости быстрого реагирования со стороны органов исполнительной власти, вне последующей легитимации на уровне закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Е. В. Неординарный правовой режим публичных закупок у субъектов малого и среднего бизнеса / Е. В. Агапова, О. А. Беляева // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2020. — № 3 (19). — С. 26–31.
2. Романовский Г. Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2014. — № 8. — С. 3–16.
3. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н. В. Витрук. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 448 с.
4. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 4. — С. 19–31.
5. Кузенков В. А. Конституционно-правовые основы обеспечения государственной безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. А. Кузенков. — Челябинск, 2006. — 33 с.
6. Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 1. — С. 6–13.
7. Леоненко Н. Т. Феномен «живой конституции» и статус главы государства / Н. Т. Леоненко // Российский юридический журнал. — 2019. — № 3 (126). — С. 63–74.
8. Безруков А. В. Реализация идеи конституционализации правопорядка в условиях выявления, минимизации и устранения конституционных рисков / А. В. Безруков // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5 (90). — С. 44–56.
9. Худяков А. В. Понятие и признаки конституционных обязанностей государства в Российской Федерации / А. В. Худяков // Юридический мир. — 2011. — № 4. — С. 27–31.
10. Шустров Д. Г. Государство и конституция / Д. Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 2. — С. 8–17.
11. Плешанова О. П. Фейки в сторону / О. П. Плешанова // Закон. — 2019. — № 4. — С. 114–119.

REFERENCES

1. Agapova E.V., Beliaeva O. A. Extraordinary Legal Regime for Public Procurement from Small and Medium-Sized Businesses. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*, 2020, no. 3 (19), pp. 26-31 (in Russian).
2. Romanovskii G. B. The modern development of international humanitarian law (to the 100th anniversary of the outbreak of World War I and the 75th anniversary of the Second World War). *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2014, no. 8, pp. 3-16 (in Russian)
3. Vitruk N. V. *Obshchaia teoriia pravovogo polozheniia lichnosti: monografiia* [General Theory of the Legal Position of the Person: Monograph]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017, 448 p.
4. Bondar' N. S. Constitutional Category of Human Dignity in Value-based Measurement: Theory and Court Practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 4, pp. 19-31 (in Russian)
5. Kuzenkov V. A. *Konstitutsionno-pravovye osnovy obespecheniia gosudarstvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk : 12.00.02* [Constitutional and legal framework for State security in the Russian Federation: abstract of diss. of law]. Chelyabinsk, 2006, 33 p.
6. Kondrashev A. A. Constitutional Values in the Modern Russian State: Conflicts and Devaluations. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 1, pp. 6-13 (in Russian).

7. Leonenko N. T. The Phenomen of a «Living Constitution» and the Status of the Head of State. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal = Russian Judicial Journal*, 2019, no. 3 (126), pp. 63-74 (in Russian).

8. Bezrukov A. V. Realization of the Idea of Law and Order Constitutionalization in the Context of Identifying, Minimizing and Eliminating Constitutional Risks. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2018, no. 5 (90), pp. 44-56 (in Russian).

9. Khudiakov A. V. Concept and Characteristics of Constitutional Duties of the State in the Russian Federation. *Iuridicheskii mir = Juridical World*, 2011, no. 4, pp. 27-31 (in Russian).

10. Shustrov D. G. State and Constitution. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 2, pp. 8-17 (in Russian).

11. Pleshanova O. P. Fakes Aside. *Zakon = Law*, 2019, no. 4, pp. 114-119 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Владислав Георгиевич — доцент кафедры уголовного права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация; e-mail: up406@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovsky Vladislav G. — Associate Professor, Department of Criminal Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation; e-mail: up406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Романовский В. Г. Экстраординарная ситуация: понятие, правовой режим, особенности регулирования / В. Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 1 (33). — С. 54–62. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-7.

FOR CITATION

Romanovsky V. G. Extraordinary Situation: Concept, Legal Regime, Regulation Features. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 54-62, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-7. (In Russian).